

О ПРОГРАММЕ ПАВЛА I ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ*

Аннотация: Статья посвящена характеристике плана реформ Павла I в сфере так называемого «крестьянского вопроса» в России. Это план или программа был представлен в реализованных и нереализованных реформах этого периода и направлен на смягчение крепостного права. Статья основана в значительной степени на впервые использованных в литературе источниках.

Ключевые слова: Россия, реформы, крестьянский вопрос, Павел I, крепостные крестьяне, государственные крестьяне.

Проблема формирования взглядов императора Павла I на решение крестьянского вопроса является важной для истории подготовки крестьянской реформы на дальних подступах к ней, так как именно на рубеже XVIII-XIX вв. во внутренней политике России начинается переход к смягчению крепостного права, превращению его из права «по лицу» в право «по земле». Этот перелом в политике, вопреки серьезным изменениям, произошедшим в конце XVIII в., был, по нашему мнению, для эпохи Павла невынужденным и определялся иными факторами – личными мотивами монарха, а не влиянием общественной ситуации в стране. Применительно к эпохе Павла нельзя согласиться с тем, что так называемый «дух времени» заставил его повернуться к интересам крестьянства, так как его взгляды были здесь консервативными.

Что же тогда заставило Павла изменить вековую тенденцию, заключавшуюся в расширении и углублении крепостничества? Вряд ли можно здесь говорить лишь о его принципиальном неприятии политики Екатерины II, отобравшей у него престол. Стоит сказать, скорее, здесь о преемственности политики, выражавшейся в раздаче земель и крестьян, подавлении народных выступлений. Более убедительным аргументом будет определенное отношение к дворянству со стороны императора. «Я из вас потемкинский дух вышибу», - говорил Павел, выражая этим неприятие того чувства чести, которое в течение XVIII в. воспитывало самодержавие в правящем сословии, в особенности при Екатерине. Павел, вероятно, смешивал его с духом якобинства. В особенности эти слова касались дворянской элиты, которая свергла отца Павла и которой он сам опасался. Сюда стоит добавить и рассматриваемое властями (в особенности при Павле) отношение дворянства к самодержавию как сугубое отношение подданства и исполнения долга перед государством, в том числе и в виде своеобразного «пасторства» над крепостными. Нельзя забывать и об относительно позитивном отношении Павла к крестьянству, обожаемому, по его мнению, царя, и апелляцию в этой связи верховной власти к подобным иллюзиям, которые нужно было иногда и поддерживать. Вообще крестьянство в мирозерцании Павла лучше подстраивалось под его систему иерархических отношений, на вершине которой находился он сам. Налицо и стремление не допустить разорения крестьянства в результате чрезмерных помещичьих требований, тем более что в предшествующем законодательстве имелись основания для подобных ограничений их прав.

Павел стремился к созданию регулярного государства, где каждое сословие не должно было выходить из тех рамок, которые ему определила монархия. Известно, что, начиная примерно с петровской эпохи и до екатерининского времени включи-

* © Долгих А.Н.

тельно, времени апогея крепостничества в России, правительство пыталось играть роль арбитра в межсословных отношениях, в том числе и в этой сфере, и из-за опасения крестьянских выступлений, угрожавших безопасности государства, и из-за недовольства властей тем, что помещики, по сути, вмешивались в сферу монаршей политики (переходя грань в своих отношениях с крепостными, они, таким образом, отбирали часть прав у государственной власти). Наиболее ярко это явление заметно у Павла. Отметим также и стремление самодержавия, в принципе, к законному правлению. Менее заметен у Павла мотив христианского отношения к людям, в том числе владельческим крестьянам. Осторожно скажем о его весьма сложных отношениях с православной церковью, которую он рассматривал как некое государственное учреждение, орудие власти. Видимо, здесь сказалось влияние отца с его не совсем понятной христианской ориентацией, матери, которая больше старалась показать себя православной монархиней, чем ей была. Отсюда и награждение церковных деятелей светскими орденами, и определенная увлеченность иезуитами, масонством, Мальтийским орденом.

Генезис взглядов Павла на крестьянский вопрос выявить не просто. Проблема заключается не только в недостатке источников. Прежде всего, это связано с тем, что она не являлась для него центральной, а ее решение вытекало из понимания им других, более для него важных, в частности роли и места самодержавия в России, «законности» правления. В этой связи показательна фраза, которую Павел, будучи наследником престола, бросил во время путешествия в 1781 г. в Неаполе: «Какие могут быть законы в стране, где царствующая императрица остается на престоле, попирая их ногами!» Правда, идея «законности» преобразовалась при Павле в некую крайность. Еще в записке «Рассуждения о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты онаго, и касательно обороны всех пределов» 1774 г. он настаивал на том, что нужно «предписать всем, начиная с фельдмаршала, кончая рядовым, все то, что должно им делать; тогда можно на них взыскивать, если что-нибудь будет упущено». Об этом же говорил и его «Наказ», созданный примерно на рубеже 1787-1788 гг., когда он собрался в действующую армию «в качестве волонтера». Это не случайное увлечение, это «основная идея Павла, гвоздем сидевшая в мозгу, идея, которую он добросовестнейшим образом пытался осуществить, как только власть попала в его руки». По мнению М.Н. Покровского, Павел «был прирожденный полицмейстер прежде всего другого». Эти идеи монарха были отражением популярной для XVIII в. концепции «отца Отечества», восходящей к Петру I, для мировоззрения которого было характерно отношение к государственному учреждению как к воинскому подразделению. Но Павел наследовал их в новую историческую эпоху, что привело к своеобразной «контрперестройке» всей системы государственного управления в его время на этих началах.

Обратим внимание на интересный факт: в лице Павла мы видим государственного деятеля, идеи, исповедуемые которым, практически не менялись в течение жизни. На это обратил внимание К. Валишевский, считавший Павла реформатором «по самому духу, характеру, темпераменту», но отмечавший тождество его концепции правления в течение всей жизни. «Гениальные реформаторы не выказывают такого постоянства в своих идеях, когда им приходится осуществлять их на деле: это происходит потому, что они работают практически в области относительного. А Павел работал теоретически в области абсолютного. Кроме того, он не менял сущности задуманных им реформ, потому что не менял цели, которой хотел ими достигнуть; цель же эта заключалась в том, чтобы подражать Фридриху II, следовать по стопам Петра Великого, продолжать работу Петра III... Впрочем, и тут Павел далеко не выказал...

последовательности... Подвижность его мысли, его слабохарактерность и непостоянство всего его существа мешали ему выработать общий план действий и придерживаться в подробностях основных решений» [1, 35, 38, 40-41; 2, 160-161].

Данное обстоятельство противоречит мнению ряда историков об отсутствии у Павла определенной программы действий, которым он следовал в годы правления. Д.А. Милютин указывал на то, что Павел, будучи наследником престола, имел «определенный самостоятельный взгляд на вещи», составил себе, «так сказать, программу для будущей царственной деятельности». Приведем и слова В.А. Томсинова о том, что «Павел, как и всякий серьезный политик, имел в своей голове некоторую программу действий, пусть и весьма общую характером». По его мнению, Павел «вступил на престол, имея конкретную программу, сложившуюся в основных чертах еще к концу 80-х годов XVIII в. Данную программу, предполагавшую целую систему преобразовательных мер в области гражданской администрации и управления армией, суда и полиции, промышленности и торговли, дворянского землевладения и крепостного права, император... настойчиво проводил в жизнь».

Среди идеологических причин, повлиявших на направление деятельности Павла в этой сфере, можно назвать, как выразился Томсинов, «нелюбовь к сословным принципам», свидетельством чему стала попытка «ослабить дворянскую эксплуатацию крестьян». Причины проведения этой политики, по его мнению, заключались в том, что Павел «стремился к дальнейшей централизации системы управления империей, к усилению монархической власти в русском обществе». В этой связи он и желал уравнивать перед лицом самодержца все сословия. «Все-все подданные и мне равны, и всем равно я государь» – вот его подлинные слова, выражавшие это желание». Стоит обратить на то, что консерватизм Павла носил нетрадиционный характер, так как обычно консерваторы стояли насмерть именно за сословные принципы. Но это, по мнению автора, «соответствовало объективной логике эволюции самодержавного строя в России, заданной Петром I». «Нелюбовь к сословным принципам» в значительной степени была связана с неприятием Павлом идей Французской революции и ее самой. Как отмечал современник, Ш. Массон, «Французская революция поразила его мозг и расстроила ум». Как писал Н.К. Шильдер, «в беседах с сыновьями Павел Петрович давал простор своему раздражению и вместе с тем неудовольствию по поводу свободомыслия, отличавшего Александра. При получении известий о каких-либо новых ужасах, сопровождавших... революцию, цесаревич говорил: «Вы видите, мои дети, что с людьми следует обращаться, как с собаками» [3, 12, 17; 4, 57-58; 5, 223; 6, 70-71; 7, 98-99].

В этой связи можно рассматривать и его жесткую политику по отношению к дворянству. Но дело состоит не только в этом. Заметим, что даже после дарования ему «вольности» самодержавие не потеряло полностью власти над первенствующим сословием, считая его зависимым от себя. По мнению Б.Г. Литвака, «крепостное право только один – и самый тяжелый – вариант феодального строя. Россия знает два варианта этого строя: государственный и помещичий. Государственный и помещичий крестьянин – оба феодально зависимые, но первый пользуется гражданскими правами, а второй – лично зависимый... Абсолютистскому правительству политически выгоднее, чтобы все его подданные имели одного владельца – государство, так как между самодержцем и владельцем крепостных всегда существовало соперничество, хотя они друг без друга жить не могли». Вмешательство Павла в прерогативы владельцев указом о трехдневной барщине «было первым сигналом о наступлении самодержавия на помещичий вариант феодализма...». Как писал А.Н. Шебунин, в безумствах Павла можно видеть «политическое стремление поставить власть над всеми группа-

ми», дисциплинировать «благородное сословие». При этом не забудем, что Павел сторонником сохранения крепостного права. Н.Я. Эйдельман указывал на то, что мысли Павла «об известных послаблениях крестьянам сочетаются с полным запрещением толковать о крепостном праве в печати, чего не было в первые десятилетия екатерининского правления».

С другой стороны, самим Павлом крайности крепостного права воспринимались в определенном смысле как посягательство на суверенные монаршие права на своих подданных. Еще в записке 1783 г. он следующим образом выразил обсужденную со своим воспитателем Н.И. Паниным мысль: «Поверено было о неудобствах и злоупотреблениях нынешняго рода администрации нашей, проходя разныя части и сравнивая с таковою в других землях и опять с обстоятельствами нашей, нашли за лутчее согласовать не-обходимо нужную монархическую исполнительную власть по обширности государства с преимуществом той вольности, которая нужна каждому состоянию для предохранения себя от деспотизма или самого государя или частичного чего-либо». Обратим внимание и на ст. 11 «Наказа» Павла 1788 г., в которой сказано: «Крестьянство содержит собою все прочие части и своими трудами, следственно, особого уважения достойно и утверждения состояния, не подверженного нынешним переменам его, из благодарности Отечества и для того, чтоб тем лучше трудились, и государство имело тем вернее снабжение». Консерватизм Павла мог в определенных случаях способствовать улучшению положения угнетенных слоев общества, прежде всего владельческого крестьянства. С набором подобных идей он и приступил к реформированию страны, при этом определенное место в перечне их занял крестьянский вопрос [8, 162; 9, 81; 10, 122-123; 11, 194-195; 12, 317].

Позитивную программу Павла в этой сфере можно выявить при анализе его реализованных и нереализованных замыслов. Очевидно, что при нем крепостное право сохранялось вполне и даже было распространено на территории юга, в частности на Новороссию. Не забудем и пожалования дворянам в это царствование примерно 600000 казенных крестьян, управление которыми было в его глазах далеким от совершенства, имея в виду чиновничий произвол и отсутствие защиты их интересов в реальной жизни, а также недоимки в платежах государственных податей – следствие их неблагополучного положения. Известны высказывания Павла, желавшего перевести всех государственных крестьян под власть помещиков, исходя из идеи о том, что крестьянам за помещиками лучше. Но при этом он стремился заставить помещиков (как государственных полицмейстеров и чиновников по управлению крестьянами) выполнять ряд функций по отношению к крепостным – кормить крестьян в голодные годы, охранять их от нищенства и контролировать их поведение.

Сохраняя почти полностью объем прав дворян на крепостных, он стремился ввести законные ограничения и ликвидировать крайности крепостничества и помещичий произвол. Показательными здесь мерами было ограничение практики продажи людей без земли (по казенным долгам помещиков и в Малороссии), ограничение барщины 3 днями в неделю (критика манифеста 1797 г. не всегда учитывает представления Павла об этой мере, как безусловной к выполнению безо всяких дополнительных указаний). Назовем и его законодательство о «командорственных крестьянах», которое можно рассматривать как некую новую модель отношений между помещиками и крепостными. В указе 30 апреля 1797 г. права владельцев этих имений были ограничены, «дабы отвратить все то, что временному владению несвойственно»: денежный оброк не должен был превышать норм для казенных имений, а «поземельный сбор» – удельных; запрещалось заводить фабрики и винокурни, а предоставлялось лишь «право распространения хлебопашества», не нарушая при этом норм манифес-

та 1797 г.; ограничено право рубить лес; запрещались сделки на имения, сдача их в аренду с угрозой взыскания за это с кавалеров ордена; раскладка рекрутских наборов и государственных податей предоставлялась «самим поселянам», как и возможность семейных разделов; вводился запрет расселения и переселения крестьян, что могло проводиться по представлениям «поселян» лишь государственными органами; запрещалось употреблять крестьян «в долговую услугу» по причине «вреда отвлечения крестьян от земледелия»; у крестьян должно оставаться $\frac{2}{3}$ земли в имениях и лишь $\frac{1}{3}$ у владельцев; от последних требовалось блюсти их благосостояние; за состоянием этих имений должен был наблюдать гражданский губернатор.

В качестве перспективы возможных реформ в этой сфере назовем и указ 10 апреля 1798 г. «О приведении в точную известность качества казенных имений, состоящих в областях, от Польши приобретенных», представлявший из себя уникальный случай попытки реализации проекта инвентарной реформы в арендных имениях (автором его был генерал-фельдмаршал Н.В. Репнин). В нем предлагалось учредить по всем поветам комиссии, «которые должны были описать количество в каждом старосте ежегодного посева всякого хлеба, назначить посредственный урожай оно, смотря по местному положению и качеству земли, и вообще показать все выгоды, какие в котором из тех имений находятся, равномерно освидетельствовать число дней панщизны и всяких работ, отправляемых жителями». На основании сведений от владельцев за 6 последних лет комиссии должны были составить постановления на сей счет и представить их Казенным палатам и губернаторам, которые и определяли нормы эксплуатации крепостничества в них. В дальнейшем отдельные попытки преобразований в этом направлении предпринимались в Киевской губернии, Лифляндии, Эстляндии, Курляндии и Выборгской губернии. Возможно, этот план он бы стал осуществлять позднее и в великорусских губерниях» [13].

Эти и некоторые другие меры Павла, частично реализованные, но, в основном, оставшиеся в проектах, рисуют перед нами некую идеальную систему отношений сословий в данной сфере: помещик выступал при этом как опекун крепостных с серьезными полномочиями и сохранением вотчинной полиции. Вместе с тем, его права на крестьян выглядят существенно ограниченными, так как он являлся своеобразным государственным полицмейстером и управляющим крестьянскими делами, а из его ведома исключались права на продажу людей без земли, насильственную сдачу крестьян в рекруты (что становилось прерогативой крестьянства – читай: государства), неограниченную барщину. Можно говорить и о перспективе снижения и таксации повинностей. (Скажем также о мерах по ограничению прав арендаторов в казенных имениях.) Все эти ограничения подкреплялись жесткими мерами Павла в отношении помещиков, переходящих грань в своих взаимоотношениях с крепостными (например, более решительным использованием взятия в опеку таких имений). Конечно, данная политика не была всегда последовательной, да и сроки ее проведения оказались ограниченными, но подобную тенденцию нельзя не заметить. Скажем в заключение, что эти тенденции в реформировании отношений в сфере крестьянского вопроса будут характерны для Александра I и в большей мере для Николая I. Наиболее существенным добавлением к павловскому видению реформы станет постановка при его сыновьях вопроса о крестьянской «эмансипации». С другой стороны, в последующую эпоху не будет со стороны самодержавия такого давления на дворянство, на которое решился Павел, что его и погубило.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Валишевский К. Павел I: Сын Екатерины Великой: Историческое исследование. М., 2003.
2. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения. Кн. 2. М., 1966.
3. Милютин Д.А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. I. Ч. 1. СПб., 1857.
4. Томсинов В.А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. М., 1991.
5. Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли X - XVIII вв. М., 2003.
6. Массон К. Мемуары Массона о России / Пер. П. Степановой // Голос минувшего. 1916. № 12. С. 44-73.
7. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Изд. 2-е. Т. 1. СПб., 1904.
8. Литвак Б.Г. Рец. на кн.: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989 // История СССР. 1990. № 6. С. 162-163.
9. Шебунин А.Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX в. Л., 1925.
10. Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII - начало XIX столетия. М., 1982.
11. Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб., 1996.
12. Наказ // Вестник Европы. 1867. Т. 1. Март. С. 316-322.
13. ПСЗ-I. Т. XXIV. № 17638, 17693, 17908, 17909, 18333; Т. XXV. № 18475, 18670, 18706, 18826, 19218; Т. XXVI. № 19642.

A. Dolgikh

ABOUT THE PROGRAM OF PAUL I IN THE SPHERE OF THE PEASANT QUESTION

Abstract: This article is devoted to the characteristics of the plan of Paul I's reforms in the sphere of the so called «peasant question» in Russia. This plan or program was represented in realized and unrealized reforms of this period and was directed to soften serfdom. The article is mostly based upon the exclusive sources.

Key words: Russia, reforms, a country question, Pavel I, serfs, the state peasants.